

МИНИСТЕРСТВО НА ОБРАЗОВАНИЕТО И НАУКАТА НА РЕПУБЛИКА БЪЛГАРИЯ
КИРИЛО-МЕТОДИЕВСКИ НАУЧЕН ЦЕНТЪР ПРИ БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ
ИЖЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. Т. КАЛАШНИКОВА
НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО “ПИСЬМЕННОЕ НАСЛЕДИЕ”
DIGITAL MEDIEVALIST SCHOLARLY COMMUNITY
ФОНДАЦИЯ „УСТОЙЧИВО РАЗВИТИЕ НА БЪЛГАРИЯ“

**Писменото наследство
и информационните технологии**

El’Manuscript–2014

Материали от V международна научна конференция
Варна, 15–20 септември 2014 г.

София · Ижевск
2014

Сборникът е издаден с финансовата подкрепа на Министерството на образованието и науката на Република България по процедура за подкрепа на международни научни форуми.

Отговорни редактори: проф. д-р В. А. Баранов
 доц. д-р В. Желязкова
 д-р А. М. Лаврентъев

Редактори: Нели Ганчева, Веселка Желязкова (български текст)
 О. В. Зуга, В. А. Баранов (руски текст)
 Кевин Хокинс (Kevin Hawkins) (английски текст)

Писменото наследство и информационните технологии [Текст] : материали от V международна науч. конф. (Варна, 15–20 септември 2014 г.) / отг. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентъев. — София ; Ижевск, 2014. — 448 с.

Сборникът съдържа материали от конференция, посветена на разработването и създаването на съвременни средства за съхраняване, описване, обработка, анализ и публикуване на ръкописни и старопечатни книжовни паметници и исторически извори, а също и на въпросите за подготвянето на електронни ресурси в областта на хуманитаристиката и тяхното използване в научните изследвания и преподаването.

© Кирило-Методиевски научен център — БАН, 2014
© Ижевский государственный технический университет
им. М. Т. Калашникова, 2014
© Авторски колектив, 2014
© Лилия Тошкова — графичен дизайн на корицата, 2014

ISBN 978–954–9787–25–2

**Фактор языкового сознания переводчика как частная проблема
составления параллельного корпуса переводного памятника
и его лексикографического описания**

Н. Г. Николаева

История церковнославянского языка, переводные памятники, языковое сознание, межъязыковая и внутриязыковая интерференция

**The Factor of the Translator's Linguistic Consciousness as a Problem
in Creating a Parallel Corpus of a Translated Text
and its Lexicographic Description**

Natalia Nikolaeva

The paper deals with the problem of reflection in the linguistic consciousness of scribes translating into Church Slavonic. Possible difficulties of description of such cases are shown through examples.

При составлении электронного ресурса, содержащего переводной памятник и инвариант оригинального текста, а также при лексикографическом описании такого памятника (составлении словника и т. п.) необходимо учитывать ряд факторов, которые, на первый взгляд, находятся далеко не на первом плане по важности их воздействия на текст перевода. В данной работе мы рассмотрим ряд таких факторов на примере поздних славянских переводов “Точного изложения православной веры” Иоанна Дамаскина — переложения, выполненного в XVI веке в скриптории князя А. М. Курбского (цит. по изданию: Ю. Бестерс-Дильгер [Die Dogmatik 1995]), и последнего перевода этого памятника на церковнославянский язык, принадлежащего архиепископу Московскому Амвросию (Зертис-Каменскому) (XVIII в.) [Дамаскин 1774].

Любой переводчик полилингвален: в процессе работы над переводом в его сознании взаимодействуют как минимум две языковые системы, а чаще и более двух. Князь Курбский признавал, что плохо знал древние языки: латынь учил в позднем возрасте, а греческого и вовсе не освоил [Послание], но, во-первых, не всегда стоит на веру принимать то, что может быть традиционным топосом самоуничужения книжника, а во-вторых, как в случае с Курбским, необходимо учитывать еще и окружающую языковую среду. Курбский и его единомышленники работали над переводом в Великом Княжестве Литовском, и в их переложении весьма заметно западнославянское языковое влияние [Калугин 1994; Ляпон 1974; Тамань 1960; Тамань 1961]. Польское влияние выражается, например, в заимствовании слов с сохранением польских фонетических особенностей (тыгу-

лы — ср. польск. *tytuły*), заимствовании форм (степени сравнения прилагательных: *лепе(н)*, *намнен*), заимствовании грамматических конструкций (*мае(ш)* *рай* *ра(з)ѡметн*; *не знаютъ, а нѣ слыша(т)*).

Особенно часто воздействие польского языка проявляет себя в глаголах, имеющих эквиваленты или паронимы в церковнославянском (*ѡртѡдѡжетъ* — ср. польск. *ustępować* ‘уступить’, *зготова(л)* — ср. польск. *zgotować* ‘приготовить’, *выто(л)кова(л)* — ср. польск. *wytkować* ‘объяснить’). При паронимии возникает очевидное смешение значений и форм церковнославянского и польского: *Гнре(ч)*, *подоблога бѣѡ о(т)ѡѡже бы за на(с) при(а) ценѡ о(т)кѡплени <...>* (л. 112) — это комментарий Курбского к основному тексту, где употреблен глагол *подобло*. В латинском здесь употреблен глагол *oportuit*, то есть ‘было необходимо, надлежало’ (Богу-Отцу принять жертву искупления). Но в комментарии Курбский повторяет глагол в форме *подоблога* — в польском же *podobać się* означает ‘нравится’ (также и в ту эпоху). Значение это здесь явно неуместно, но под влиянием ошибки Курбского появляется глагол *нравится* (*es gefiel Gott Vater...*) и в немецком издании данного памятника, в переводе этого комментария [Die Dogmatik 1995: 446]. Можно было бы предположить, что возвратная форма глагола вносит какой-то нюанс в его значение (не просто ‘было необходимо’, а ‘было угодно’, например), но комментарий не нацелен на пояснение глагола — он раскрывает смысл жертвы искупления, поэтому в данном случае возвратная форма возникла, видимо, под влиянием русско-польской языковой среды: ошибки в использовании возвратных и невозвратных форм до сих пор остаются типичными для поляков, изучающих русский, и русских, изучающих польский язык. Весьма значимое в общем контексте изменение значения глагола здесь вряд ли предполагалось.

Несколько иной случай, уже внутриязыковой интерференции в сознании переводчика, мы наблюдаем в тексте архиепископа Амвросия. В начале главы 11 (л. 16) в переводе следует такой текст: *ѡно ѡтъ вѣщю разѡждѡти, а ѡноу главоу ѡнѣ разѡмомъ. Занѣ во вѣхъ создѡнїихъ раздѣленїе лицъ главоу вѣщю разѡждѡмое бывѡтъ. Главоу во вѣщю Пѣтр ѡ Пѡвлѣ раздѣлѡщїихъ разѡмѡтъ.* Обращает на себя внимание соответствие *разѡждѡти* – *θεωρεῖσθαι*. Оригинал говорит здесь именно о видении глазами (основное значение слова *θεωρέω* – ‘смотреть’), то есть мы в действительности видим, что Петр и Павел — два разных человека. По-видимому, этот случай можно рассматривать как редкую возможность проникнуть в мельчайшие детали техники перевода: Амвросий уяснил для себя не значение, но смысл, вложенный в глагол *θεωρεῖσθαι*, — речь идет о различении “вещей”, а различать в греческом звучит как *διακρίνειν*; при внутреннем диктанте переводчик держит в голове уже именно этот глагол, который на цер-

ковнославянский язык традиционно передавался калькой *разсѣждѣти*. Ср. перевод этого же глагола в конце данного фрагмента как *разсѣждѣтиа*.

Другим интересным фактором, учет которого необходим при любой обработке такого рода текстов, является то положение вещей, когда переводчик невольно вводит читателя в заблуждение по поводу текста, с которого делался перевод. Несмотря на то, что Курбский в основном ориентируется на латинскую версию “Точного изложения...”, были установлены случаи влияния греческого текста на его перевод [Besters-Dilger 1992: 60]. Зертис-Каменский в традиционно распространенном названии своего перевода заявляет, что производился он с греческого, но уже в XIX веке было подмечено, что он опирался в ряде случаев и на латинский текст. И тому есть множество примеров. Так, в главе 16-й читаем: *и въсѣхъ ѡбщнхъ внослѡбіа и вниы въ себѣ содѣржитъ* (л. 22об.) — греч. καὶ πάντων τῶν ὄντων τοὺς λόγους καὶ τὰς αἰτίας ἐν ἑαυτῷ προέχων; лат. *rerumque omnium causas et rationes in se continent*. Прежде всего надо отметить явную инверсию в латинском тексте, потому как греческое τὰς αἰτίας должно переводиться как *causas*, а τοὺς λόγους — как *rationes*. Греческое λόγος и латинское *ratio* чрезвычайно обширны по своему семантическому объему и многозначны как термины: ‘слово, разум, смысл, внутренняя энергия, причина’ — вот далеко неполный перечень того, что они могут обозначать. Для передачи αἰτίας/causas переводчик подбирает привычное церковнославянское соответствие — *вина*. В первом же случае, где речь идет о сущностных основаниях “всех вещей”, Амвросий приводит существующее церковнославянское слово *винословие* ‘причинность’, которое одновременно актуализирует и генетическую связь со словом *вина* и семантические нюансы их различия. Появляется же это слово, несомненно, под влиянием обоих исходных текстов как своеобразная калька-гибрид латинского *causa* и греческого λόγος.

Основным принципом перевода для архиепископа Амвросия был перевод по смыслу с учетом внутренних законов церковнославянского языка. Внутренние языковые законы были для него, по-видимому, решающим фактором, когда он выбирал исходный текст для перевода (греческий или латинский). Так, в ряде фрагментов типа *и заблѣдшыа на пѹть ѡбращахѹ* или *въ помощь Оца, и Сна, и ст҃аго Дха призвѣше* (л. 4) подчеркнутым словам не обнаруживаются соответствия в греческом тексте, но латинский перевод дает нам именно такие варианты: *egrantesque in via reducebant* и *implorata tamen prius Patris et Filii et Spiritus sancti ore* соответственно. Можно предположить, что архиепископ в данном случае выбрал ориентиром латинскую версию потому, что в славянском языке глаголы *обращать* и *призвать* употреблялись в основном с распространителями, образуя своего рода формулы (существующие в нашей речи до сих пор), особенно в языке церковном: *обращать на путь, призвать в помощь*.

Наконец, еще одним фактором, объясняющим некоторые несоответствия в переводе, является фактор взаимодействия одновременных переводов. Так, очевидно, что в скриптории А. М. Курбского часто использовали предыдущий перевод Иоанна экзарха болгарского (который, однако, князь критиковал в своем предисловии к переводу как темный и испорченный (л. 2 об.)) [Besters-Dilger 1992: 41–50], а архиепископ Амвросий иногда делал вставки из переводов своих непосредственных предшественников — князя Курбского и Епифания Славинецкого, так что невозможно порой объяснить выбор того или иного соответствия, не сопоставив его с вариантом предшествующего перевода.

Полагаем, что эти частные зарисовки помогли представить означенную проблему — как нам видится, достаточно важную при любой работе с переводным текстом.

Литература

- Дамаскин 1774 — *Дамаскин Иоанн*. Преподобнаго Отца нашего Иоанна Дамаскина монаха и прсвитера Иерусалимскаго Изложение Православной веры обстоятельное, или Богословія. М., 1774.
- Калугин 1994 — *Калугин В. В.* Местные традиции в языке русской литературы XVI–XVII веков (князь Андрей Курбский и Андрей Лыков) // *Slavia orientalis*. 1994. Т. XLIII. № 3. С. 353–362.
- Ляпон 1974 — *Ляпон М. В.* Об отношении языка Курбского к русской литературной норме 16 века // *Исследования по славянской филологии: Сборник, посвященный памяти акад. В. В. Виноградова*. М., 1974. С. 227–233.
- Послание — *Послание Марку Сарыхозину* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9868>, свободный.
- Тамань 1960 — *Тамань В. М.* Полонизмы в языке русских памятников XVI в. // *Уч. зап. ЛГУ, сер. Филол. наук*. 1960. № 267. Вып. 52. С. 98–124.
- Тамань 1961 — *Тамань В. М.* К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси // *Начальный этап формирования русского национального языка*. Л., 1961. С. 197–204.
- Besters-Dilger 1992 — *Besters-Dilger J.* Andrej M. Kurbskij als Übersetzer. Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jh. Freiburg i. Br.: Weiher, 1992. 196 S. (MLS. T. XXXI).
- Die Dogmatik 1995 — *Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583)* // hrsg. von J. Besters-Dilger. Freiburg i. Br.: Weiher, 1995. (MLS. T. XXXV).